



П. Е. ДЫБЕНКО

<«Керенский позорно бежал»>

<...> В два часа ночи 1 ноября в санитарном автомобиле, по грязной дороге, без освещения, пробираемся к Гатчине. По пути к Гатчине нас останавливают казачьи заставы. После переговоров с казачьим офицером пропускают. Около 3 с половиной ночи приезжаем в Гатчину к дворцу. Прилегающая площадь слабо освещена. Автомобиль останавливается у ворот. Навстречу выходит дежурный офицер. Вылезаем из автомобиля; дежурный офицер, обращаясь ко мне, спрашивает: «Вы кто?»

— Я прибыл для переговоров с казаками.

Дежурный офицер: «Я вынужден вас арестовать. Будьте добры сдать ваше оружие!»

— Оружие мое — револьвер. Его я не сдам. Если вы посылали делегацию для того, чтобы захватить одного из нас как заложника, то этим вы не достигнете цели. Знайте, мой арест вам дорого обойдется.

В этот момент подходит группа казаков и, потребовав от дежурного офицера немедленно освободить меня, приглашает к себе в казармы. Имея поддержку в лице казаков, я обращаюсь к ним с вопросом:

— Керенский здесь?

— Да.

— Я требую, чтобы немедленно был приставлен к нему надлежащий караул. В случае его побега вы отвечаете.

Казачий офицер из делегации остался у дворца с целью усилить караул за Керенским. Прихожу в казачьи казармы. Полумрак. Казармы переполнены только что проснувшимися казаками. Усталые, неумытые лица. Многие, свесив головы, посматривали на нас с нар. Среди казаков много офицеров и юнкеров. Рассказываю

им о перевороте, о развернувшихся событиях, о том, что Временное правительство низложено и что попытка Керенского снова захватить власть бессмысленна и обречена на неудачу. Его поход принесет только лишние жертвы со стороны казаков.

— Керенский снова пытается вас, казаков, превратить в жандармов и возбудить всеобщую народную ненависть к вам и преследование.

Некоторые офицеры выкрикивают:

— А немецкие шпионы в вашем правительстве?

— Не немецкие шпионы взяли власть, а рабочие, крестьяне и солдаты. Флот первый доказал свою преданность революции в моонзундских боях, он же первый выступил на защиту Советской власти.

Казаки, посматривая на офицеров, негромко заявляют:

— Правильно, матросы — наши братья, мы с ними пойдём.

Через час казармы не вмещают собравшихся казаков и юнкеров. Митингуем. К 8 часам утра митинг закончен. Казаки теперь согласны немедленно арестовать Керенского, но для этого необходимо сначала переговорить с их советом.

С митинга направляюсь во дворец в сопровождении нескольких сот казаков и неизменного своего спутника матроса Трушина.

Около 10 часов собирается совет, почти целиком состоящий из офицеров. Обращаюсь к казакам:

— Позвольте, ведь у вас офицерский совет, а не казачий! Где же казаки в вашем совете?

Возгласы: «Правильно!»

Тут же в совет вводят несколько казаков. Долго убеждаю совет в необходимости немедленного ареста Керенского, указываю, что скоро 12 часов на исходе, что я отпущен моряками до определенного срока, после чего моряки начнут обстрел Гатчины и наступление. В это время Керенский помещался всего через одну комнату от зала заседания. (Во все время моих переговоров с советом адъютант Керенского, приоткрыв дверь в зал заседания, подслушивал.)

Как раз когда на голосование ставится вопрос о немедленном аресте Керенского, входит в зал дежурный офицер и прочитывает телеграмму: «Из ЛУГИ отправлено 12 эшелонов ударников. К вечеру придут в Гатчину. Савинков». Прочтение телеграммы вызвало среди казаков заметное замешательство. Настроение начало колебаться. Мне предъявили контртребования: подписать договор, в котором казаки отказываются от вооруженной борьбы с нами, с тем, чтобы их пропустили на Дон и Кубань с оружием в руках... Нужно, с одной стороны, выиграть время до подхода отряда моряков, чтобы Гатчину захватить врасплох, с другой — без промедления,

до прибытия «ударников», арестовать Керенского. Одинаково старался выиграть время, очевидно, и Краснов до подхода «ударников». Для достижения своей цели, совершая «стратегический ход», я решаюсь подписать договор.

Договор подписан. Выносится единогласное постановление об аресте Керенского. Цель достигнута. Между тем Керенский, следивший за ходом переговоров, не нашел мужества в последний момент появиться среди казаков и заявить, что он готов погибнуть на своем посту, но не согласен с заключением позорного для казаков договора. Переодевшись, он позорно бежал, покидая введенных им в заблуждение казаков. Матрос Трушин, все время следивший за Керенским, поспешно сообщил: «Керенский, переодевшись женщиной, прошел через двор»¹. Пусть! Его бегство есть его политическая смерть.

Казаки, направившиеся арестовать Керенского, вернулись и доложили, что Керенский бежал. Возмущение бегством Керенского было громадно; казаки и юнкера тут же послали всем, всем телеграмму: «Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя. Казачий совет 3-го корпуса» <...>.

